

Г.Л. Черюкина

ВРЕМЯ И ЕГО ИПОСТАСИ КАК РЕЗУЛЬТАТ РЕФЛЕКСИИ ГЕРОЕВ ДОСТОЕВСКОГО

В романе «Бесы» Кириллов в одном из разговоров с Николаем Ставрогиним предлагает довольно любопытную трактовку времени: «Время не предмет, а идея. Погаснет в уме» (10; 188). Однако такое определение не является ключевым в понимании феномена времени в художественном мире Достоевского. Скорее вывод Кириллова, в образе которого представлен яркий тип героя-идеолога, позволяет глубже проникнуть в психологию героя и определить тип его сознания. При этом формулировка Кириллова, безусловно, является полярной относительно понимания времени другими героями писателя. Но в этом случае можно говорить лишь о восприятии времени внутриличностном. Обусловленность этого ощущения носит сугубо психологические черты. Как справедливо отмечает Н.В. Кашина, «своеобразие воззрений Достоевского на человека заключалось в том, что каждую личность он воспринимал как неповторимую и неожиданную. Личность создает некое индивидуальное поле вокруг себя, качество которого зависит от некоего личностного центра, пафоса. Этот пафос движет поступками человека. Все, что попадает в его поле соответственно индивидуальному характеру восприятия, некоторым образом деформируется и обязательно не соответствует полностью восприятию другого человека»¹.

По сути диаметрально противоположную кирилловской, свою концепцию времени предлагает князь Мышкин в «Идиоте», когда у Епанчиных он делится своими впечатлениями от рассказа приговоренного к смерти, которому осталось жить пять минут. Свое ощущение времени князь сумел описать, так же как и Кириллов, одной фразой: «Меня так все это поразило в его рассказе, что я потом во сне видел, именно эти пять минут видел» (8; 53). В сознании Мышкина происходит «опредмечивание» времени и перевод его в совершенно иную ипостась. Из идеи время превращается в некую субстанцию, эмпирически вполне воспринимаемую. Но формула времени, предложенная князем Мышкиным, тоже является крайним вариантом личностной интерпретации самого феномена времени.

Очевидно, что автор, привязывая эти определения к конкретным персонажам, выступающим в художественном континууме Достоевского как философские антиподы, сознательно разводит, отдаляет представления о времени в восприятии героев. Еще М.М. Бахтин в «Проблемах поэтики Достоевского» писал: «Два равновесных слова на одну и ту же тему, если они только сошлись, неизбежно должны взаимоориентироваться. Два

¹ Кашина Н. В. Эстетика Ф. М. Достоевского. М., 1989. С. 200.

воплощенных смысла не могут лежать друг с другом, как две вещи, они должны внутренне соприкоснуться, то есть вступить в смысловую связь»². В связи с особенностями повествования большинства произведений Достоевского, сосредоточенного в первую очередь на раскрытии человеческой метафизики, возникает необходимость выявления соотношенности времени эпического и психологического. Лишь после этого можно рассуждать о разнице между смыслами «времени», обусловленными особенностями сознания того или иного эпического героя.

Нужно сказать, что концепт времени, представленный в творчестве Достоевского, во многом предвосхитил идеи многих мыслителей XX в. Так, например, М. Хайдеггер, размышляя о собственной сущности времени, приходит к следующему умозаключению: «Время не *есть*. Время имеет место. Место, вмещающее время, определяется из отклоняюще-отказывающей близости. Она хранит открытость пространства-времени и таит то, что остается отклонено в осуществившемся, в чем отказано настоящему. Мы называем место, вмещающее собственно время, просветом утаивающего протяжения. Поскольку протяжение само есть вмещение, в собственно времени уже таится именование места»³.

В одной из своих монографий А. М. Буланов, подробно рассматривая художественное время в романе «Подросток», приходит к общему выводу, характеризующему специфику времени в романном мире Достоевского: «Время становится субстанционально действительным именно в связи с человеком и через человека <...>. Как неотъемлемое свойство реальности время переживается героями. Вместе с самой реальностью оно как бы присваивается, становясь фактом их самосознания. И в этом смысле герои Достоевского обладают собственным временем...»⁴. Это утверждение перекликается с наблюдениями другого авторитетного исследователя творчества Достоевского. Р. Г. Назиров, выявляя основной принцип организации пространства и времени в романах писателя, утверждает: «Время героев Достоевского является функцией их сознания, субъективной иллюзией». Определяя авторское понимание времени «как частного случая вечности», Р. Г. Назиров выдвигает следующее положение: «Образ времени в романах Достоевского, в отличие от царившей в ту эпоху литературной традиции, создается не художественной передачей временного потока, а строится как диалектика субъективной психологии героев и авторской философии времени»⁵. Временной субъективизм обуславливает широту диапазона восприятия объективного времени героями Достоевского, а следовательно, и его ипостасей.

Достоевский предлагает широкий типологический ряд сознаний героев с индивидуальным восприятием времени как необходимого жизнен-

² Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963. С. 253-254.

³ Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993. С. 400.

⁴ Буланов А. М. Творчество Достоевского-романиста: проблематика и поэтика (Художественная феноменология «сердечной жизни»). Волгоград, 2004. С. 74.

⁵ Назиров Р. Г. Творческие принципы Ф. М. Достоевского. Саратов, 1982. С. 25-26.

ного пространства, что создает ряд хронотопов в творчестве писателя. Как только время выходит за пределы сознания героя, меняется и его объективная темпоральность. Замечательна в этом отношении фраза следователя Порфирия Петровича в романе «Преступление и наказание», обращенная к Раскольникову: «Не во времени дело, а в вас самом» (6; 352).

Сравнивая семантику «времени» в сознании героев Достоевского, по всей вероятности, нужно исходить не только и не столько из эпической функции того или иного персонажа. Гораздо важнее определить роль их образов в построении общей философской концепции в творчестве автора в целом.

Вяч. И. Иванов в свое время писал: «Не познание есть основа защищаемого Достоевским реализма, а „проникновение“ <...>. Это — не периферическое распространение границ индивидуального сознания, но некое передвижение в самих определяющих центрах его обычной координации; и открывается возможность этого сдвига только во внутреннем опыте»⁶. Категория времени несомненно является одной из ключевых в художественной антропологии Достоевского. Характерно, что даже те герои, которые в типологическом ряду оказываются достаточно близкими по типу сознания, все же наделяются автором предельно индивидуальным пониманием времени внешнего. В зависимости от жизненных ситуаций, в которых оказывается персонаж, оно меняет свою темпоральность и переходит из разряда общих абстракций в сугубо личное представление. Такое «преображение» является результатом своеобразной рефлексии не столько на окружающий мир, который остается неизменным, сколько на самоощущение, порождающее в душе героя самые различные настроения: тревогу, успокоение, радость и т. д. Так, например, князь Мышкин по приезде из Швейцарии, попадая в дом Епанчиных, в разговоре с лакеем восклицает: «О, у меня время терпит; у меня время совершенно мое...» (8; 23). С возвращением в Россию он воспринимает жизнь во всей ее полноте и бесконечности. Лишь во время приступов эпилепсии и утраты связи с реальностью князь испытывает ощущение «безвременья». Он признается Рогожину: «В этот момент как-то становится понятно необычайное слово о том, что времени больше не будет» (8; 189). Эта апокалиптическая аллюзия как правило возникает в сознании героев в самые острые моменты в их жизни и подвергается тщательному анализу. Однако и эта фраза из заключительной книги Библии не получает однозначной трактовки в сознании героев. Возникает вопрос: время останавливается или исчезает?

В том же романе «Идиот» эту цитату из Откровения св. Иоанна Богослова повторяет Ипполит Терентьев: «Пришел час! Теперь самое время» (8; 318), — объявляет больной чахоткой юноша перед чтением своего «Необходимого объяснения». На просьбу Мышкина отложить исповедь до завтра Ипполит отвечает: «Завтра „времени больше не будет“. <...> А помните, князь, кто провозглашает, что „времени больше не будет“? Это про-

⁶ Иванов Вяч. И. Родное и вселенское. М., 1994. С. 294.

возглашает огромный и могучий ангел в Апокалипсисе» (8; 319). Но для этого героя, обреченного на смерть, внешнее время уже утратило свою ценность и значимость, хотя еще и не исчезло. Более того, именно «остановка» времени в его собственном сознании порождает вполне осязаемый образ Мейеровой стены, ставшей зловещим символом потери связи с живой жизнью. Это не те «пять минут», которые снились Льву Николаевичу. Сам процесс «опредмечивания» времени в сознании двух героев носит скорее оппозиционный характер. Если в случае с приговоренным к смертной казни князь Мышкин воспринимает пять минут как бесконечность, то Ипполит сознательно отказывается от отведенного ему времени жизни.

С остановленными часами живет Кириллов, тем самым изъясняя свою волю и, подобно Ипполиту, ожидая окончательного разрыва с жизнью. Но в отличие от Терентьева сроки своей жизни он полагает сам. Симптоматично, что попытка самоубийства обреченного на смерть юноши оказалась неудачной. Мотивация поступков этих двух персонажей на первый взгляд схожа: бросить вызов Богу и заявить своеволие. Однако само восприятие жизни, а следовательно, и времени у героев разное. Ипполит страстно хочет жить, но объективно лишен такой возможности. Кириллов же отрекается от жизни добровольно, переводя как время, так и жизнь в разряд условностей, идей. По-своему он трактует и библейскую фразу: «Жизнь есть, а смерти нет совсем <...>. Есть минуты, вы доходите до минут, и время вдруг останавливается и будет вечно <...>. Когда весь человек счастья достигнет, то времени больше не будет, потому что не надо» (10; 188).

Для мыслящих героев Достоевского характерно возникновение такой амбивалентности в сознании, и лишь ее преодоление является гарантией возвращения героя к живой жизни и нравственному перерождению. Этот процесс мы наблюдаем в главном герое романа «Преступление и наказание»: «Для Раскольникова наступило странное время: точно туман упал вдруг перед ним и заключил его в безвыходное и тяжелое уединение. Припоминая это время потом, уже долго спустя, он догадывался, что сознание его иногда как бы тускнело и что так продолжалось, с некоторыми промежутками, вплоть до окончательной катастрофы. Он был убежден положительно, что во многом тогда ошибался, например, в сроках и времени некоторых происшествий. По крайней мере, припоминая впоследствии и силясь уяснить себе припоминаемое, он многое узнал о себе самом, уже руководствуясь сведениями, полученными от посторонних. Одно событие он смешивал, например, с другим; другое считал последствием происшествия, существовавшего только в его воображении. Порой овладевала им болезненно-мучительная тревога, перерождавшаяся даже в панический страх. Но он помнил тоже, что бывали минуты, часы и даже, может быть, дни, полные апатии, овладевавшей им, как бы в противоположность прежнему страху, — апатии, похожей на болезненно-равнодушное состояние иных умирающих. Вообще же, в эти последние дни он и сам как бы старался убежать от иных забот, забвение которых грозило, впрочем, полною и неминуемою гибелью в его положении» (6; 335).

В комментарии к десятой главе Откровения св. Иоанна Богослова, содержащей энигматичную фразу о времени, Сергей Булгаков предлагает такое толкование: «Здесь есть тайна человеческих судеб, которая должна остаться (до времени) неведома человеку. Ангел же, подняв руку к небу, „клялся“ Живущим во веки, Творцом вселенной, „что времени уже не будет“. Такое клятвенное подтверждение придает особую силу, важность и значительность этим словам „о времени“. Однако нельзя понимать этих слов в отношении к временному бытию вообще, которое уже погаснет в вечности: напротив, время продолжается и после того, согласно и дальнейшему содержанию Откровения»⁷.

Для того чтобы в полной мере осмыслить феномен времени и «безвременья» в художественном мире Достоевского, обратимся к итоговому роману «великого пятикнижия» «Братья Карамазовы». Особый интерес в этом отношении представляет заключительная глава «Поучений...» старца Зосимы «О аде и адском огне, рассуждение мистическое». Здесь не только поясняется апокалиптическая фраза «времени уже не будет», но и обозначается тесная связь между жизнью и временем, «безвременьем» и смертью: «Отцы и учителя, мыслю: „Что есть ад?“ Рассуждаю так: „Страдание о том, что нельзя уже более любить“. Раз в бесконечном бытии, неизмеримом ни временем, ни пространством, дана была некоему духовному существу, появлением его на земле, способность сказать себе: „Я есмь, и я люблю“. Раз, только раз, дано было ему мгновение любви деятельной, *живой*, а для того дана была земная жизнь, а с нею времена и сроки, и что же: отвергло сие счастливое существо дар бесценный, не оценило его, не возлюбило, взглянуло насмешливо и осталось бесчувственным. <...> ...нет уже жизни, и времени более не будет» (14; 292).

В Откровении явлению сильного Ангела предшествуют четыре всадника, имя последнего из которых смерть, а за ним следует ад (Отк. 6: 2-8). Богоотступничество героев-идеологов Достоевского приводит их к духовной смерти. «Безвременье» становится для многих персонажей тем самым адом, о котором идет речь в Апокалипсисе, и в романе «Братья Карамазовы» широко освещается на примере судеб главных и второстепенных действующих лиц.

Вспомним историю жизни таинственного посетителя старца Зосимы, Михаила, который признается: «Четырнадцать лет был во аде» (14; 280). «Безвременье» героя начинается с момента убийства возлюбленной и избежания признания и наказания. Несмотря на то что его дальнейшая судьба складывается удачно (герой является уважаемым человеком, примерным семьянином), он не может быть счастливым. Преступление становится для него границей между жизнью и «безвременьем»: «Неправдой свет пройдешь, да назад не воротишься. Теперь не только ближнего моего, но и детей моих любить не смею» (14; 280). История возвращения к Богу самого Зиновия / Зосимы становится для героя примером душевного подвига и помогает

⁷ Булгаков С. Н. Апокалипсис Иоанна. М., 1991. С. 74.

ему выстоять в Страшном суде, обрести душевный покой, воскреснуть. Прилюдное признание и покаяние возвращают его к жизни, дают право на бессмертие. Перед смертью он признается Зиновию: «Разом ощутил в душе моей рай, только лишь исполнил, что надо было. Теперь уже смею любить детей моих и лобызать их. <...> Господь мой поборол диавола в моем сердце» (14; 283).

«Поучения...» старца Зосимы и рассказ о судьбе Михаила тесно связаны с основным сюжетом романа и линиями судеб главных действующих персонажей. В «Братьях Карамазовых» самые животрепещущие, самые жгучие вопросы ждут своего разрешения и даже в незначительных замечаниях того или иного персонажа вырисовывается картина общего ожидания грядущего. Уже в начале романа во время поездки в монастырь Миусов произносит фразу: «Это нужно бы решить, потому что время уходит» (14; 33). Но попытка разрешить внешний конфликт между Федором Павловичем и Дмитрием путем посреднического вмешательства оказывается лишь интригой, давшей толчок нарастанию сюжетной динамики. Внутренний конфликт главных героев (особенно это касается Дмитрия и Ивана) не только превращает их в основных виновников катастрофы, но и побуждает их к исповеди. Старший брат на момент первого разговора с Алешей осознает для себя начало своего собственного Апокалипсиса: «Ты будешь все молчать, а я буду все говорить, потому что срок пришел» (14; 96). Митя понимает, что для него наступило нечто необратимое: «Да и видеться больше не хочу, до какой-нибудь самой последней минуты» (14; 144). Покушение на отца и возможное убийство Григория стали для Дмитрия той самой последней минутой в его жизни. Сразу после покушения он по-другому оценивает свое время: «...И времени, времени ни капли» (14; 359); «Ей-Богу, нет времени. И хотел бы с тобой поговорить, голубчик, да времени нет. Да и не надо вовсе, поздно говорить» (14; 362). Последняя исповедь Дмитрия перед Алешей завершает очевидную связь его образа с мотивом апокалиптического времени. Дмитрий чувствует грань между временем жизни и тем моментом, когда «времени уже не будет»: «...Время как будто все еще не приходило. дождался теперь последнего срока, чтобы тебе душу вылить» (15; 30). Арест, обвинение в убийстве отца и судебная ошибка перерастают в проблему теодицеи и воспринимаются Дмитрием как праведный Божий суд и возможность воскресения через страдание. За пределами сюжета остается дальнейшая судьба Дмитрия, но так же, как и Родион Раскольников, он готов к духовному перерождению.

Если старший брат разрешает свои внутренние противоречия через внешние коллизии и в страдании обретает путь к очищению и воскресению, то Иван выступает как философ, осмысляющий сложнейшие экзистенциальные проблемы. Для него не существует времени персонального, мыслит он глобально и ведет речь о судьбах всего человечества. В первом разговоре с Алешей Иван заверяет: «У нас с тобой еще Бог знает, сколько времени до отъезда. Целая вечность времени, бессмертие!» (14; 212). Не соглашаясь с ценой, которой обретается Иерусалим Небесный, тот же Иван

заявляет: «Пока еще время, спешу оградить себя, а потому от высшей гармонии отказываюсь» (14; 223). Внутренние противоречия Ивана и невозможность умозрительного постижения абсолютной истины придают его образу особый драматизм и колоссальную философскую насыщенность.

Выстраивая широкий типологический ряд героев, наделенных предельно индивидуализированным сознанием, а в связи с этим совершенно различным восприятием времени, автор создает масштабную философскую картину мира, в которой *время* может одновременно выступать и как идея, и как предмет, по сути представляя две стороны одной медали. Но эта метаморфоза становится возможной только в психологическом плане произведений. Лишь в сознании героев могут возникнуть дополнительные оценочные критерии и характеристики в зависимости от их самоощущения в тот или иной момент жизни. В тексте такая семантическая разнородность времени служит если не доминантой, то одной из ключевых черт психологического портрета персонажа и определяет место и роль его образа в художественном мире писателя в целом. Более того, становится очевидным тот факт, что среди констант философского порядка *время* в позднем творчестве Достоевского обладает в первую очередь религиозно-этической значимостью и выступает как один из аксиологических регуляторов.